

Аврutiна Аполлинария Сергеевна✉, Шишкин Валерий Андреевич
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
a.avrutina@spbu.ru

Стрoевые синтаксические особенности агглютинативных языков (на материале японского и турецкого языков)

Аннотация

Цель данной статьи – провести типологический анализ синтаксической подсистемы двух современных агглютинативных языков – японского и турецкого, – а именно, описать их с точки зрения трёх типов базовых моделей синтаксических структур: 1) копулятивной, 2) предикативной, 3) атрибутивной. Эти типы синтаксических моделей составляют основу синтаксического терминологического аппарата, предложенного В. Г. Гузевым применительно к тюркским языкам. Применительно к японскому языку, подобное описание в рамках терминологии В. Г. Гузева проводится впервые. Анализ специальной литературы показывает, что японский синтаксический терминологический аппарат уже в некоторой степени разработан отечественными исследователями. Сравнительный анализ показал, что в целом синтаксические структуры японского и турецкого языков демонстрируют значительную степень типологического сходства. В них многочисленны элементы, позволяющие выражать обстоятельственные значения. В отличие от турецкого языка, в японском предложении большую роль играет категория топика. Исследование показало, что турецкие изафеты имеют аналоги в японском языке. Продемонстрировано, что предложенная модель синтаксического описания продуктивна для японского языка, что открывает пути для исследования данного языка как агглютинативного.

Ключевые слова: агглютинативный язык, синтаксис, модель синтаксической структуры, турецкий язык, японский язык

© Аврутина А. С., Шишкин В. А. 2023

Для цитирования: Аврутина А. С., Шишкин В. А. Стрoевые синтаксические особенности агглютинативных языков (на материале японского и турецкого языков) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 5–20. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_5

Apollinaria S. Avrutina✉, Valerii A. Shishkin
St Petersburg State University
St Petersburg, Russian Federation
a.avrutina@spbu.ru

Structural syntactic patterns of agglutinative languages (Based on Japanese and Turkish)

Abstract

This article aims to carry out a typological analysis of the syntactic subsystem of two modern agglutinative languages – Japanese and Turkish – particularly, to describe them in terms of three types of their basic models of syntactic structures: 1) copulative, 2) predicative, 3) varieties of attributive. These types of syntactic models form the basis of V. G. Guzev's syntactic terminology as applied to Turkic languages. As applied to the Japanese language, such a description within the framework of V. G. Guzev's terminology is performed for the first time. Literature analysis shows that the Japanese syntactic terminological apparatus has already been developed to some extent by Russian researchers. The comparative study indicates that in general the syntactic structures of Japanese and Turkish languages demonstrate typological similarity to some extent. In Japanese and Turkish, the

elements allowing for the expression of adverbial meanings are equally abundant. In contrast to Turkish, the category of topic plays a major role in a Japanese sentence. The study also shows that Turkish *izafets* have analogues in Japanese. The proposed model of syntactic description turned out productive for Japanese opening the way to study this language as an agglutinative one.

Keywords: languages of agglutinative type, syntax, syntactic structural pattern, Turkish language, Japanese language

© Avrutina A. S., Shishkin, V. A. 2023

For citation: Avrutina, A. S., Shishkin, V. A. (2023). Stroevye sintaksicheskie osobennosti agglutinativnykh yazykov (na materiale yaponskogo i turetskogo yazykov) [Structural syntactic patterns of agglutinative languages (Based on Japanese and Turkish)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 5–20. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_5

1. Введение [Introduction]

Понятие «синтаксис» – одно из старейших в языкознании понятий, но, по выражению Н. З. Гаджиевой и Б. А. Серебренникова, «теоретические основы синтаксиса какого-либо языка являются наиболее слабым местом общего языкознания» [Гаджиева, Серебренников, 1986, с. 16]. Синтаксический архетип в качестве типовой модели имеет определённую морфологическую опору, что даёт возможность говорить о том, что материал различных агглютинативных языков, пусть даже весьма удалённых, демонстрирует определённое типологическое сходство [Гузев, Бурькин, 2007].

Тем не менее на сегодняшний день всё ещё сохраняется неунифицированность в определении синтаксиса различными исследователями. Традиционное понимание синтаксиса О. С. Ахмановой включает: 1) раздел языкознания с предложением и словосочетанием как основными единицами речи в качестве предмета; 2) учение о специфике функционирования в речи различных лексико-грамматических классов слов; 3) совокупность типов сочетания слов и моделей построения словосочетаний и предложений [Ахманова, 2004, с. 399]. По словарю Т. В. Жеребило, синтаксис – это часть грамматики, изучающая сочетания слов в предложении [Жеребило, 2010, с. 325]. В современном языкознании термин может трактоваться двояко: 1) как одна из сфер грамматического строя языка, в которой реализуются морфологические категории и словоизменение, существуют собственные единицы, категории и средства; 2) как раздел науки о языке, предметом которого являются собственно синтаксические единицы, отношения и средства [Там же].

В настоящей статье делается предположение, что определение синтаксиса, а также понятийно-терминологический аппарат, введённый в научный оборот исследователем турецкого языка В. Г. Гузевым, возможно применить к материалу японского языка. В данном исследовании будет принято определение, согласно которому синтаксис – это подсистема языка, включающая в себя 1) синтаксический инвентарь, в который входят внутриязыковые соответствия фигурирующих в речи слов и словоформ; 2) правила линейного расположения слов и словоформ в речи; 3) сложившиеся в психике человека абстрактные модели, структуры всевозможных типов высказываний, больших, чем одно слово; 4) образы функций автосемантических слов в качестве компонентов высказываний (лексический субъект – лексический предикат, подлежащее – сказуемое, определение – определяемое, дополнение – дополняемое, обстоятельство – обстоятельственное уточняемое) [Гузев, Аврутina, 2013].

Терминологический аппарат для японского синтаксиса уже в некоторой степени был разработан отечественными исследователями, например, в первой фундаментальной грамматике японского языка, где выделяются следующие основные черты японского синтаксиса [Алпатов и др., 2008 б]:

- 1) японский язык – это язык номинативно-аккузативного строя;
- 2) локус морфологического маркирования синтаксической связи располагается на зависимом слове;
- 3) наблюдается последовательное левое ветвление (во всех типах синтаксических конструкций зависимое слово предшествует вершине);
- 4) топик грамматикализован, и его следует отличать от подлежащего;
- 5) полипредикативные конструкции подразделяются на подчинительные и сочинительные; подчинительные, в свою очередь, делятся на три типа в зависимости от синтаксической функции подчинённой предикации: конструкции с предикатными обстоятельствами, конструкции с предикатными определениями к имени (относительные предложения), а также конструкции с предикатными актантами (дополнения и подлежащие).

Несмотря на всю глубину вышеупомянутого исследования, в специальной литературе по японскому языку в целом наблюдается слабый интерес к синтаксису. Так, Ю. П. Киреев даёт лишь краткую характеристику главных (подлежащее и сказуемое) и второстепенных (дополнение, определение и обстоятельство) членов предложения, отдельно затрагивая приложения и субстантиваторы, придаточные предложения [Киреев, 2014, с. 56–62]. В работе З. Б. Степановой рассматривается японская ономактопэтическая лексика с точки зрения её синтаксических функций, классифицированных по частоте употребления в проанализированной литературе. Автор приходит к выводу, что «в качестве основной функции ономактопэтических слов выделяется функция обстоятельства, а именно обстоятельство образа действия. Преобладание данной функции показало, что ономактопы чаще всего характеризуют сказуемое, выступают в роли наречия» [Степанова, 2018]. Данное заключение вызывает некоторые вопросы, так как о том, что типичные ономактопы (идеофоны – в терминологии В. М. Алпатова) относятся к наречиям, уже упоминалось в научной литературе [Алпатов и др., 2008 а, с. 509]. Таким образом, в отечественной специальной литературе относительно понятийно-терминологического аппарата синтаксиса японского языка, в отличие от турецкого, царит некоторый разнобой.

Среди всего массива англоязычной литературы по японскому синтаксису наиболее значимой в рамках нашей темы представляется коллективная монография «Японский синтаксис в сравнительной перспективе», в которой в том числе проводится сравнение японского и турецкого синтаксиса [Saito, 2014]. Также сравниваются японский и корейский языки с китайским и турецким в рамках генеративной теории, и приводятся доказательства того, что эллипсис актанта коррелирует с полным отсутствием согласования.

Не менее интересна монография «Настольная книга по японскому синтаксису», посвящённая исключительно синтаксису японского языка и выделяющаяся своей полнотой и комплексностью подхода к его описанию – синтаксис японского языка описывается с позиций генеративной грамматики, когнитивной и функциональной лингвистики [Shibatani, 2017]. В ней широко освещаются такие вопросы, как типы предложений и их взаимодействие с грамматическими категориями глаголов, переходность, номинализация, грамматикализация, порядок слов, маркирование падежей, эллипсис и др.

В собственно японской лингвистической литературе терминология не унифицирована. Сам термин «синтаксис» имеет три варианта наименования: 統語論 (яп. *то:го-рон*), 統辭論 (яп. *то:дзирон*), 構文論 (яп. *ко:бунрон*). Одни исследователи склоняются к идеям и, соответственно, терминологии традиционного японского языкознания. Так, Такубо Юкинори в своей работе [Такубо, 2008] отмечает, что, несмотря на огромное количество исследований, посвящённых японским указательным местоимениям, большинство из них рассматривают эти местоимения с точки зрения дискурса или прагматики, а трудов, посвящённых синтаксическому или семантическому аспекту, практически нет. В указанной работе автор рассматривает местоимения так называемых а-типа, ко-типа и со-типа (иными словами, предметно-указательные местоимения, раз-

делённые на три типа по степени удалённости от говорящего) с точки зрения различных подходов: семантического, синтаксического и прагматического. Автор своими выводами подчёркивает личностно-ориентированный характер дейктической системы японского языка, иными словами, маркированность удалённости от говорящего.

Не так много внимания уделяется синтаксису и в одном из фундаментальных грамматических справочников по японскому языку, изданных в Японии – Курсе лекций издательства Иванами. Одна глава шестого тома из двенадцати, за авторством Китахара Ясуо, посвящена предложению в японском языке, и синтаксическое описание японского языка находится только в этой главе. Особого внимания удостоились модификаторы как флективных, так и нефлективных частей речи. Также пристальное внимание уделялось роли частиц и подлежащего в предложении [Иванами, 1977].

На примере работы «Синтаксис наречий манеры и результативных предикатов в японском языке» [Хатакэяма и др., 2021] можно увидеть, что в японской лингвистике получили некоторое распространение идеи генеративизма, несмотря на их почти полное отсутствие в вышеупомянутых работах. В упоминаемой работе анализируется появление *anti-c-command* (содержание данного понятия было освещено ранее в [Horvath, 1992]) при одновременном существовании наречия образа действия и результативного предиката в японском предложении.

Недостаточная исследованность японского синтаксиса определяет небольшое число сравнительных исследований синтаксической подсистемы японского языка с другими языками. В противовес этому, в тюркском языкознании терминологический аппарат в области синтаксиса обширен и более унифицирован, несмотря на наличие ряда спорных аспектов (напр., форма на *dik*, придаточные предложения и некоторые др.). В разное время данная проблематика широко разрабатывалась в отечественной тюркологии [Грунина, 1961; Кононов, 1980; Черемисина, 1980; Гаджиева, Серебренников, 1986; Гузев, 2015 и др.] и за рубежом, в частности, в самой Турции (см., напр., [Natipoğlu, 1972; Karahan, 1991; Korkmaz, 1994] и многие другие).

Ц е л ь ю настоящей статьи является попытка приложения тюркского синтаксического терминологического аппарата, предложенного петербургским тюркологом В. Г. Гузевым для современного турецкого языка, к материалу современного японского языка и сравнение синтаксических подсистем обоих языков, что оправдано их типологическим сходством: турецкий язык является агглютинативным [Гузев, 2015, с. 11], а японский – агглютинативный с чертами флективного и изолирующего строя [Алпатов, 2008, с. 61].

М а т е р и а л о м для исследования послужили источники на японском языке: два художественных произведения 2016 и 2021 годов издания, ориентированные на широкого читателя. Кроме того, была использована устная речь двух информантов: 1) носителя стандартного японского языка (женщина, 29 лет, образование высшее; запись сделана 09.11.2022, общая длительность звучания – 60 минут, далее – [Информант, 2022]); 2) носителя стамбульского диалекта турецкого языка (мужчина, 45 лет, образование высшее; запись сделана 05.01.2023, общая длительность звучания – 50 минут, далее – [Информант, 2023]).

2. Копулятивная, предикативная и атрибутивная модели в японском и турецком языках [Copulative, predicative and attributive patterns in Japanese and Turkish]

2.1. Копулятивная модель [Copulative pattern]

Копулятивные структуры представляют собой перечисление синтаксически равноправных единиц. Они могут быть как самостоятельными высказываниями, так и компонентами предикативных и атрибутивных конструкций [Гузев, Аврутина, 2013, с. 27].

В японском языке они могут быть оформлены либо соответствующими частицами, либо могут быть простым перечислением слов.

Перечисление может быть обозначено с помощью именных сочинительных союзов *то* и *я*. Союз *то* употребляется при полном перечислении чего-либо (1), а союз *я*, в свою очередь, употребляется при неполном перечислении (2).

(1) [Накадзава, 2016, с. 14]:

誕生日と元旦くらはい...

Tanjoubi to gantan kurai ha...
 День.рождения **u** Новый.год хоть NOM
 ‘Хоть в день рождения и на Новый год...’

(2) [Накадзава, 2016, с. 16]:

テレビや映画、漫画や小説など、つくりものの世界にひたすら逃避していた。

Terebi ya eiga, manga ya shousetsu nado,
 Телевизор **u** фильмы, манга **u** романы PL
tsukurimono no sekai ni hitasura
 искусственное.изделие GEN мир DAT только
touhi shi-te i-ta
 бегство VRB-CNV AUX-PRG.PST

‘[Я] только убегал в рукотворные миры: в телевизор и фильмы, в мангу и романы...’

В турецком языке для передачи копулятивного значения есть несколько способов: а) союз «и» (*ve*), связывающий синтаксически равноправные члены предложения (3); б) послелог – (*y*) *iE*, использующийся в предложении либо в составе слова как дополнительный аффикс в двух вариантах, либо как послелог между элементами предложения, находящимися в копулятивной связи (4); в) копулятивная связь может передаваться с помощью союзов «hem..., hem» («и..., и...») либо «как..., так и...», см. (7)), или «ne... ne» («ни..., ни...»), см. (8), а также ... «dA... dA...» («и..., и...») либо «ни..., ни...», см. (9)).

Стоит отметить, что в примере (4) показано, что послелог – (*y*) *iE* в турецком языке обладает двумя значениями. Первое – это рассматриваемое в данном разделе статьи копулятивное значение. Второе – данный элемент – (*y*) *iE* в форме аффикса либо послелого может также обладать значением инструментального падежа (5), (6). В связи с этим в специальной литературе встречается мнение, что в турецком языке не пять, а шесть (и даже более!) падежей [Ergin, 1992 p. 23–238].

(3) [Информант, 2023]:

Mağazada peynir ve ekmek aldım.
Mağaza-da peynir ve ekmek al-dım.
 Магазин-LOC сыр **u** хлеб покупать-PST1SG
 ‘Я купил в магазине брынзу и хлеб’

(4) [Информант, 2023]:

Türkiye Rusya ile ortak işbirliğine mutlulukla devam eder.
Türkiye Rusya ile ortak
 Турция Россия с общий
işbirliğ-i-n-e mutluluk-la
 сотрудничество-POSS3SG-CN-DAT радость-с
devam ed-er.
 продолжать-PRS

‘Россия и Турция с радостью продолжают сотрудничество’

(5) [Информант, 2023]:

Anneme mektubumu altın kalemle yazdım.
Anne-m-e mektub-um-u
 Мама-POSS1SG-DAT письмо-POSS1SG-ACC

Altın kalem-le yaz-dım.
Золото ручка-INS написать-PST1SG
‘Я написал своей маме письмо золотой ручкой’

(6) [Информант, 2023]:

Buraya uçakla geldim.
Bura-ya uçak-la gel-dım.
Здесь-DAT самолет-INS приехать-PST1SG.
‘Я сюда прилетел на самолете’

(7) [Информант, 2023]:

Hem mağazaya, hem okula uğradım.
Hem mağaza-ya, hem okul-a uğra-dım.
И магазин-DAT и школа-DAT зайти-PST1SG
‘Я зашёл и в магазин, и в школу’

(8) [Информант, 2023]:

Tüm gün ne yedim, ne içtim.
Tüm gün ne ye-dım, ne iç-tım.
Весь день не есть-PST1SG не спать-PST1SG.
‘Я весь день не ел, не спал’

(9) [Информант, 2023]:

Bunu annem de, babam da bilmedi.
Bu-nu anne-m de baba-m da bil-me-di.
Это-ACC мать-POSS1SG не отец-POSS1SG не знать-PST1SG.

Для сравнения, перечисление в японском языке также может передаваться сопоставительной частицей *mo* (10), «постановка которой после актанта или предиката, обозначенного соответствующим членом предложения, включает его в один ряд с некоторым другим» точно таким же членом предложения, который может быть указан, а может быть и не указан [Алпатов и др., 2008 а, с. 444]. По С. Э. Мартину, нюанс употребления этой частицы заключается в том, что *mo* акцентирует внимание (highlights) на том, к чему присоединяется [Martin, 1991, p. 52].

(10) [Цукино, 2021, с. 21]:

ちょっと待って……あの絵師さんも……この絵師さんも……
Chotto mat-te... Ano eshi san mo... Kono eshi
Немного ждать-IMP Тот художник сан **u** этот художник
san mo...
сан **u**
‘Подождите-ка... И этот художник, и тот...’

Для перечисления действий в японском языке может использоваться так называемое деепричастие репрезентативности на *-tari* (11). Категория репрезентативности подразумевает под собой, что обозначенное глаголом действие входит в некоторый полностью не перечисленный ряд и упоминается в качестве примера [Алпатов и др., 2008 б, с. 229].

(11) [Цукино, 2021, с. 25]:

それからは、親戚が使っていた部屋にそのまま住まわせてもらっていたり、あるいはご学友の家に入り浸る形で同居をしたり、あらゆる場所を転々としていた。

Sorekara ha, Shinseki ga tsuka-tte
Затем TOP родственники NOM использовать-CNV
i-ta heya ni sonomama sumaw-ase-te
AUX-PRG.PST комната DAT как.есть жить-CAUS-CNV
mora-tte i-tari, aruiwa go-gakuyuu
получить-CNV **AUX-RPR** либо HON-школьные.друзья

<i>no</i>	<i>ie</i>	<i>ni</i>	<i>iribitar-u</i>		<i>katachi</i>	<i>de</i>
GEN	дом	DAT	засиживаться-PRS		форма	INS
<i>doukyo</i>			<i>wo</i>	<i>shi-tari</i>	<i>arayuru</i>	<i>basho</i>
совместная.жизнь		ACC	VRB-RPR	всевозможные		места
<i>wo</i>	<i>tentento</i>		<i>shi-te</i>	<i>i-ta</i>		
ACC	с.места.на.место	VRB-CNV	AUX-PRG.PST			

‘Затем, [я] не задерживалась долго на одном месте, то живя в комнатах, которые занимали родственники, то оставаясь у школьных друзей’

Таким образом, мы можем наблюдать, что копулятивное значение в турецком языке может быть передано с помощью союзов и послелогов, а в японском языке – с помощью союзов, частиц и деепричастий. Вероятно, что полными аналогами из перечисленных единиц можно назвать только турецкий союз «и» (*ve*) и японский союз полного перечисления (*mo*).

2.2. Предикативная модель [Predicative pattern]

Предикативная модель – это языковая единица, дублирующая модель логического суждения, функциональная задача которой состоит в предикации, т. е. внесении в сознание коммуниканта изменения предмета мысли – субъекта. Иными словами, предикация – некий предмет мысли, которому приписывается некий признак [Ахманова, 2004, с. 334].

Стоит отметить, что в турецком языке возможен эллипсис субъекта в контексте реализации закона экономии усилий, впервые сформулированного А. Мартине [Мартине, 1960], тогда субъект выражен личной финитной формой глагола. В японском языке, в котором возможен эллипсис любого члена полного предложения, кроме сказуемого, субъект также может быть опущен, но при этом ни один грамматический показатель в предложении его не заменяет, и смысл в таком случае извлекается из контекста. Так, в почти 75% предложений из корпуса нормативного языка имеется эллипсис подлежащего [Martin, 1991, p. 185]. Примеры предложений с эллипсисом субъекта в японском языке были приведены ранее, см. (2) и (11).

Японский язык – это язык с грамматикализованным топиком (согласно В. М. Алпатову, топик имеет прямое отношение к семантике и актуальному членению предложения, а подлежащее – определяется на структурных основаниях), и, соответственно, в нём важно проводить различие между подлежащим и топиком. Наиболее очевидным грамматическим признаком топика в японском языке является его оформленность частицей *wa* (12). Подлежащее в японском языке, как правило, оформляется частицей *ga* (12). Также «синтаксическое расстояние» между топиком и глаголом больше, чем между подлежащим и глаголом [Алпатов и др., 2008 б, с. 37].

(12) [Накадзава, 2016, с. 11]:

エーっ、佐藤賢治君は山口恵理さんのことが好きなんですかーッ！？							
<i>E-</i> ,	<i>Satou Kenji</i>		<i>kun</i>	<i>wa</i>	<i>Yamaguchi Eri san</i>	<i>no</i>	
Э	Сато Кэндзи		кун	TOP	Ямагути Эри сан	GEN	
<i>koto</i>	<i>ga</i>	<i>suki</i>	<i>na</i>	<i>n</i>	<i>des-u</i>	<i>ka!?</i>	
NML	NOM	любить	COP.ATR	NML	COP.ADR-PRS	Q	

‘Что?! Сато Кэндзи-кун, так ты любишь Ямагути Эри-сан?!’

В свою очередь, в турецком языке каждый компонент предикативной конструкции может быть как распространённым, так и не распространённым, но в целом специальных единиц для оформления данной конструкции не имеется. Предикат, особенно глагольная форма, часто (но не всегда) стоит в личной форме, что позволяет наблюдать эллипсис субъекта.

2.3. Атрибутивная модель [Attributive pattern]

Атрибутивная модель – это такая модель, один компонент которой представляет собой уточняемое (определяемое, дополняемое или обстоятельственное уточняемое), а другой – уточняющее (определение, дополнение или обстоятельство) [Гузев, 2015, с. 260]. Атрибутивная модель бывает трёх типов: а) определительная, которая в речи порождает конструкции типа *kırmızı elma* 'красное яблоко'; б) дополнительная, на основе которой в речи формируются конструкции типа *kitab(i) okuyor* 'читает книгу'; в) обстоятельственная, которая может воплотиться, например, в конструкцию *yarın geleceğim* 'приду завтра' [Аврутина, Дармаева, 2022, с. 10].

2.3.1. Определительные синтаксические модели [Attributive syntactic subpatterns]

Определительные синтаксические модели – форма, в которой отражена и обобщена связь предмета или действия с приписываемым ему или констатируемым у него признаком. Формирующаяся в языковой системе путём отвлечения от разнообразных конкретных определительных конструкций в речи типа *kara bulut* 'чёрная туча', *çabuk koşmak* 'быстро бежать', эта форма может быть предварительно представлена в виде единства двух её компонентов – абстрактных образов: определение (признак) + определяемое (обладатель признака) [Гузев, Аврутина, 2013, с. 30].

Как упоминалось ранее, в японском языке любой зависимый компонент предшествует вершине. Для того, чтобы стать определением, слову в японском языке не требуется ничего, кроме смены позиции на предвершинную. Так, определением к существительному может выступать предикативное (13) или полупредикативное прилагательное (14), приименное (15) или глагол (16), а к глаголу – предикативное или полупредикативное прилагательное, а также наречие (см. (2) *hitasura*). Также в современном японском языке существует одна специализированная причастная форма глагола – (*p*)убэки (16), заимствованная из бунго под влиянием английского языка [Miura, 1979, p. 24].

(13) [Цукино, 2021, с. 37]:

Z ちゃんは本当に面白い女の子だった。

Z chan wa hontou ni omoshiro-i
Z тян TOP правда ADV интересный-PRS
onnanoko dat-ta
девушка COP-PST

‘Z-тян была поистине интересной девушкой’

(14) [Цукино, 2021, с. 21]:

わたくしは今まで、決定的な勘違いをしていた……

Watakushi wa ima made, ketteiteki na
Я TOP сейчас до решающий ATR
kanchigai o shi-te i-ta
неправильное.понимание ACC VRB-CNV AUX-PRG.PST

‘До сих пор я серьёзно заблуждалась’

(15) [Информант, 2022]:

このぐらいやったら、疲れるわけではないし。

Kono gurai yat-tara, tsukare-ru wake
Этом как делать-COND уставать-PRS NML
De wa na-i shi
COP TOP AUX.NEG-PRS и

‘Да и не то чтобы [я] устану, если столько сделаю, [так что...]’

(16) [Информант, 2022]:

驚くべき速度で進化を続ける

Odorok-ubeki sokudo de
Ужасать-DEB скорость INS
shinka o tsuzuke-ru

развитие ACC продолжать-PRS

‘Продолжает развиваться с ужасающей скоростью’

(17) [Цукино, 2021, с. 20]:

わたくしが嫉妬してたあの絵師さん……。

Watakushi ga shitto shi-te-ta
Я NOM зависть VRB-CNV-[AUX]-PRG.PST

ano eshi san

тот художник сан

‘Тот художник, которому я завидовала…’

Для сравнения в турецком языке существует две глагольно-именных формы, которые в рамках петербургской тюркологической школы именуются термином «субстантивно-адъективная форма» (САФ), и, обладая темпоральной семьей (настоящего / прошедшего и будущего) времён, они представляют действие как предмет либо как признак, ориентированный на настоящий момент [Гузев, 2015, с. 161].

Приведём пример из современного турецкого языка с использованием САФа – субстантивно-адъективной формы *-dik* с показателем настоящего / прошедшего времени и личным окончанием (18), будущего времени и личным окончанием (19).

(18) [Информант, 2023]:

Kıskandığım ressam.
Kıskan-diğ-im ressam.
Завидовать-SAF.PST- POSS1SG художник
‘Художник, которому я завидую’.

(19) [Информант, 2023]:

Gideceğimiz tren perona yaklaştı.
Gid-eceğ-imiz tren
Уехать-SAF.FUT-POSS1SG поезд
peron-a yaklaşt-tı.
перрон-DAT подъехать-PST3SG.

‘Наш поезд (букв. поезд, на котором мы уедем) уже подъехал к перрону’

Более того, в турецком языке существует такая разновидность определительной конструкции, как *изафеты*, т. е. конструкции, в которых в функции и определяемого, и определения выступают существительные – так называемые определительные субстантивные конструкции, которые, в свою очередь, подразделяются на три вида [Гузев, Аврутина, 2013, с. 33].

Изафет I – форма (безаффиксного) *изафета*, представляющая собой сочетание двух неаффиговых существительных, от значения первого из которых (определения) отвлечается относительный признак, например, материал, из которого состоит предмет, называемый вторым существительным (определяемым), его форма, пространственное соположение и прочее. Приблизительным аналогом этого *изафета* в японском языке можно считать то, что О. В. Благовещенская называла словами, образованными основосложением:

(20) [Информант, 2022]:

鳥頭
Tori atama
Курица голова
букв. ‘Куриная голова; забывчивый человек’

Изафет II – форма, являющаяся определительным сочетанием двух существительных с аффиксом принадлежности 3-го лица у определяемого (одноаффиксный изафет), служащая средством выражения широчайшего спектра относительных признаков, отвлекаемых от значения компонента-определения [Гузев, Аврутина, 2013, с. 35].

Изафет III – модели, которые реализуются в речи как конструкции, представляющие собой определительное именное сочетание с существительным или местоимением в функции определения в родительном падеже и с существительным-определяемым, наделенным аффиксом принадлежности одного из трёх лиц (двухаффиксный изафет), служащее средством выражения связи между предметами, которую говорящий считает притяжательной и, следовательно, как можно полагать, имеет грамматическое значение «обладатель + предмет обладания».

При сопоставлении данной формы с материалом японского языка можно наблюдать, что единственным атрибутивным показателем при существительных в японском языке является частица *no*, и её же можно считать средством выражения тех же значений, которые обозначаются изафетами II и III в турецком языке:

(21) [Накадзава, 2016, с. 15]:

高校の同級生

Koukou no doukyuusei

Старшая.школа GEN одноклассники

‘Одноклассники в старшей школе’

(22) [Цукино, 2021, с. 17]:

あなたの絵

Anata no e

Ты GEN картины

‘Твои картины’

Таким образом, следует признать, что категория изафетов относительно коррелирует с японским материалом. Полноценный аналог в японском языке можно наблюдать только для изафета I. Следовательно, использование соответствующей терминологии относительно японского языка может представляться удачным с учётом некоторой корректировки.

2.3.2. Дополнительные синтаксические модели [Objective syntactic subpatterns]

Данные модели представляют собой один из видов атрибутивных синтаксических моделей, состоящих из двух компонентов – дополняемого и дополнения, а также служащих средством выражения связи какого-либо действия, признака или предмета с каким-либо предметом и, предположительно, обладают значением типа «предмет связан с действием, признаком или предметом» [Гузев, Аврутина, 2013, с. 44].

В турецком языке существует несколько способов падежного оформления дополнения [Çauşević, 1996, р. 97], один из которых может заключаться в употреблении формы винительного падежа (23). Также возможно построение дополнительной синтаксической модели без употребления винительного падежа (24).

(23) [Информант, 2023]:

En öndeki çocuk, kapıyı itti.

En ön-de-ki çocuk,

Самый передняя.часть-LOC-AFX мальчик

kapı-yı it-ti.

дверь-ACC толкать-PST1SG.

‘Мальчик, который шёл впереди, толкнул дверь’.

(24) [Информант, 2023]:

Bi akşam kitap okuyacağıım.

Bi akşam kitap oku-yacağ-ım.
Этот вечер книга читать-FUT1SG.

‘Сегодня вечером буду читать книги (займусь чтением книг)’

В японском языке два первичных послелогов, *о* (11) и *ни* (4), служат для обозначения дополнений, прямых и косвенных соответственно. По выражению В. М. Алпатов, послелог *о* используется для указания второго актанта, а *ни* – для указания третьего актанта [Алпатов и др., 2008 а, с. 185].

2.3.3. *Обстоятельственная синтаксическая модель [Adverbial syntactic subpattern]*

Это разновидность атрибутивной формы, которая состоит из обстоятельственно-го уточняемого и обстоятельства. Значение этой формы сигнализирует о том, что какое-либо явление (чаще всего действие) связано с другим сопутствующим ему и тем самым каким-либо образом характеризующим, уточняющим его явлением [Аврутина, Дармаева, 2022, с. 15]. Обстоятельственные модели в японском языке представлены деепричастными формами глаголов и послелогов.

В. М. Алпатов выделяет следующие виды деепричастных форм в японском языке: нейтральная форма на *-тэ*; книжно-нейтральная форма на *-и*; отрицательная форма на *-(а)дзу*; условно-временные формы на *-(р)эба*, *-тара*; уступительная форма на *-таттэ*; форма репрезентативности на *-тари*; формы второстепенного действия на *-(и)нагара*, *-(и)цуцу* [Алпатов и др., 2008 а, с. 113]. Также обстоятельственные отношения могут быть выражены наречиями, существительными, прилагательными и такими вторичными послелогов, как *дэ* (инструментальный или местный падеж), *то* (контрагент), *э* (направление), *кара* (исходная точка), *ёри* (исходная точка и эталон сравнения), *мадэ* (конечная точка), *нитэ* (местный падеж) [Алпатов и др., 2008 а, с. 186].

Особенностью японского языка является чрезвычайно обширная категория послелогов, не ограничивающаяся вышеупомянутыми единицами, а также семь видов деепричастий. Для сравнения в турецком языке, в свою очередь, категория обстоятельственных форм с послелогов и деепричастиями насчитывает более сотни единиц [Гузев, Аврутина, 2013, с. 53–62]. Приведём лишь некоторые из них, в частности, примеры крайне обширной модели со значением времени в японском языке:

(25) [Цукино, 2021, с. 80]:

つい最近、クリスマスに元1期生全員で集まった。

Tsui saikin, kurisumasu ni moto-ikkisei
Совсем **недавно** Рождество DAT бывшее-первое.поколение
zenin de atsuma-tta.

вся.команда INS собираться-PST

‘Совсем недавно всё бывшее первое поколение собралось на Рождество’

(26) [Цукино, 2021, с. 80]:

そして3年の時を経て、わたくしは更にいえるようになったことばがある。

Soshite san-nen no toki wo ta-te
И три-года GEN время ACC **проходить-CNV**
watakushi wa sarani i-e-ru youni
Я TOP ещё сказать-POT-PRS AUX

na-tta koto ga a-ru.
становиться-PST NML NOM быть-PRS

‘И по прошествии трёх лет всё ещё бывало такое, что я могла сказать’

(27) [Накадзава, 2016, с. 89]:

ボクも来年はできる限り盛大にお祝いさせていただきます。

<i>Boku</i>	<i>mo</i>	<i>rainen</i>	<i>wa</i>	<i>deki-ru</i>	<i>kagiri</i>
Я	и	следующий.год	TOP	делать.POT-PRS	насколько
<i>seidai</i>		<i>ni</i>	<i>oiwai</i>	<i>s-ase-te</i>	
великолепный		ADV	празднование	VRB-CAUS-CNV	
<i>itadak-imas-u</i>					
AUX.BEN-ARD-PRS					

‘И я в следующем году отпраздную с таким размахом, с каким смогу’

Более того, С. В. Чиронов отмечает, что в современном японском языке произошла грамматикализация существительного *katami*, и функционал образовавшейся единицы включает в себя маркирование обстоятельства образа действия, включающего как конкретный способ действия, так и его результаты – как целевые, так и непредусмотренные [Чиронов, 2017, с. 97]. Пример такого употребления можно наблюдать в (11).

Приведём несколько примеров турецких конструкций с обстоятельственным значением, вводимым деепричастиями.

Обстоятельство образа действия с деепричастием с показателем – у(ArAk).

(28) [Информант, 2023]:

Güneş gülümseyerek selamladı onları.

<i>Güneş</i>	<i>gülümse-yerek</i>	<i>selamla-di</i>	<i>onlar-ı.</i>
Солнце	улыбаться-CNV	приветствовать-PST3SG	они-ACC

‘Солнце, улыбаясь, приветствовало их’

Модель со значением образа действия (деепричастие (y)A... (y)A)

(29) [Информант, 2023]:

Mehmet sevinç içinde atlaya zıplaya koştu.

<i>Mehmet</i>	<i>sevinç</i>	<i>iç-i-n-de</i>	
Мехмед	радость	внутренняя.часть-POSS3SG-CN-LOC	
<i>atla-ya</i>	<i>zıpla-ya</i>	<i>koş-tu.</i>	
прыгать-CNV	подскакивать-CNV	бежать-PST3SG	

‘Радостный Мехмед бежал, подпрыгивая’

Модель с временным обстоятельственным значением с деепричастием с показателем – (y)IncA

(30) [Информант, 2023]:

Köpek suya düşmeyince yüzmeyi öğrenmez.

<i>Köpek</i>	<i>su-ya</i>	<i>düş-me-yince</i>	
Собака	вода-DAT	падать-NEG-CNV	
<i>yüz-me-yi</i>		<i>öğren-mez.</i>	
плавать-VN-ACC		учиться-NEG.PRS3SG	

‘Пока собака в воду не упадёт, плавать не научится’

Модель с временным обстоятельственным значением «пока, по мере того, как...», вводимым деепричастием с показателем – Dıkça

(31) [Информант, 2023]:

Yaşadıkça çalışmalısın.

<i>Yaşa-dıkça</i>	<i>çalış-malı-sın.</i>
Жить-CNV	работать-IMP2SG

‘Пока ты живёшь, ты должен работать’

3. Заключение [Conclusion]

Исследование показало, что синтаксические структуры японского и турецкого языков демонстрируют значительную степень типологического сходства. Эксперимент по применению терминологического аппарата тюркского синтаксиса, разработанного В. Г. Гузевым

для турецкого языка, к другим агглютинативным языкам можно считать относительно успешным, несмотря на существующие различия в грамматической системе японского и турецкого языков. Так, японскому языку свойственен более обширный эллипсис и грамматизированный топик; к японскому языку слабо применимо понятие «изафет»; японский язык значительно уступает по степени развития категории причастий турецкому языку. Представляется, что данный терминологический аппарат, после некоторого усовершенствования, путём упразднения или дальнейшего развития отдельных элементов терминологического аппарата, свойственных только тюркским языкам, можно использовать для дальнейших исследований синтаксиса японского языка как агглютинативного.

В результате сравнительно-сопоставительного анализа выявлено, что в японском языке копулятивное значение может быть передано с помощью союзов, частиц и деепричастий, а в турецком языке – с помощью союзов и послелогов. Полными аналогами, вероятно, можно считать только турецкий союз «и» (*ve*) и японский союз полного перечисления (*mo*), что, однако не отменяет продуктивности модели описания, представленной в текущем исследовании, для агглютинативных языков.

В японском языке существуют средства для выражения значений турецких изафетов, степень схожести которых, однако, варьирует. Существительные, образованные основосложением, чрезвычайно близки изафету I; значения изафетов II и III могут быть выражены с помощью атрибутивного показателя при существительных *no*.

Аналогами турецких САФ с точки зрения синтаксических функций можно считать японские глаголы в определительной позиции.

Дополнение в турецком языке обозначается либо аффиксами со значением винительного падежа, либо чисто позиционно – путём постановки дополнения перед глаголом; в японском языке, в свою очередь, дополнение маркируется частицами, которые, стоит отметить, также могут быть подвержены эллипсису.

Обстоятельственные модели в японском языке выражены деепричастными формами глаголов и послелогам, наречиями, существительными и прилагательными, а в турецком языке – деепричастиями. Однако стало очевидным, что и в японском, и в турецком языке категория средств выражения обстоятельственных значений чрезвычайно обширна, и потому их полноценное типологическое сравнение составит перспективу исследования.

Глоссы

1 – первое лицо, 2 – второе лицо, 3 – третье лицо; ACC – аккузатив; ADR – адрессив; ADV – адвербиальная форма; AFX – форма вторичной репрезентации; ATR – атрибутивная форма; AUX – вспомогательный глагол; BEN – бенефактив; CAUS – каузатив; CN – соединительная согласная *n*; CNV – деепричастие; COND – условная форма; COP – связка; DAT – датив; DEB – дебитив; FUT – будущее категорическое время; GEN – генитив; IMP – императив; INS – инструменталис; LOC – локатив; NEG – отрицание; NML – субстантиватор; NOM – номинатив; POSS – посессивный показатель; POT – потенциалис; PRG – прогрессив; PRS – настоящее-будущее время; PST – прошедшее время, в турецких примерах прошедшее категорическое время; Q – вопросительная частица; RPR – репрезентативность; SAF – субстантивно-адъективная форма; SG – единственное число; TOP – топик; VN – глагольное имя; VRB – вербализатор.

Библиографический список

- Аврутина, Дармаева, 2022 – Аврутина А. С., Дармаева О. Б. Синтаксические модели в агглютинативном языке (на материале корейского и турецкого языков) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 5–19.
- Алпатов и др., 2008 а – Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. Книга 1. М. : Наталис, 2008. 560 с.
- Алпатов и др., 2008 б – Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. - Теоретическая грамматика японского языка. Книга 2. М. : Наталис, 2008. 448 с.

- Ахманова, 2004 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
- Гаджиева, Серебренников, 1986 – Гаджиева Н. З., Серебренников Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. М. : Наука, 1986. 283 с.
- Грунина, 1961 – Грунина Э. А. Некоторые вопросы синтаксиса в современном узбекском литературном языке. // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. III : Синтаксис. М. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 135–163.
- Гузев, 2015 – Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб. : Изд-во С. Петерб. ун-та, 2015. 320 с.
- Гузев, Аврутина, 2013 – Гузев В. Г., Аврутина А. С. Функциональный синтаксис современного турецкого языка : учеб. пособие. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. 71 с.
- Гузев, Бурыкин, 2007 – Гузев В. Г., Бурыкин А. А. Общие строевые особенности агглютинативных языков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2007. № 1. С. 109–117.
- Жеребило, 2010 – Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп.. Назрань, 2010. 488 с.
- Киреев, 2014 – Киреев Ю. П. Основные грамматические конструкции японского языка. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014. 80 с.
- Кононов, 1980 – Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1980. 255 с.
- Мартине, 1960 – Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М. : Изд-во иностр. лит., 1960. 261 с.
- Степанова, 2018 – Степанова З. Б. Синтаксические функции ономастопозитивной лексики японского языка (на материале художественных произведений) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №1-1 (79). С. 171–173.
- Черемисина, 1982 – Черемисина М. И. Структурно-функциональные типы конструкций с падежными формами зависимых предикатов // Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982. С. 3–20.
- Чиронов, 2017 – Чиронов С. В. Японское *katashi*: от маркера обстоятельства и дальше // Язык и культура : сб. материалов XXVIII Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск : Изд-во ЦРНС, 2017. С. 90–98.
- Натипоғлу, 1972 – Natipoğlu V. Türkçenin Sözdizimi. Ankara, 1972. 208 s.
- Horvath, 1992 – Horvath J. Anti-C-Command and case-compatibility in the licensing of parasitic chains // The Linguistic Review. 1992. Vol. 9 (2). P. 183–218.
- Karahan, 1991 – Karahan L. Türkçede Söz Dizimi. Ankara : Akçağ Yayınları, 1991. 192 s.
- Korkmaz, 1994 – Korkmaz Z. Türkçede Eklerin Kullanılış Şekilleri ve Ek Kalıplaşması Olayları. Üçüncü baskı. Ankara : TDK. 1994. X+92 s.
- Martin, 1991 – Martin S. E. A Reference Grammar of Japanese. Charles E. Tuttle Company. Inc., 1991. 1198 p.
- Miura, 1979 – Miura A. The Influence of English on Japanese Grammar // The Journal of the Association of Teachers of Japanese. 1979. Vol. 14 (1). P. 3–30.
- Saito, 2014 – Saito M. (Ed.). Japanese Syntax in Comparative Perspective. New York : Oxford University Press, 2014. 332 p.
- Shibatani, 2017 – Shibatani M., Miyagawa S., Noda H. (Eds.). Handbooks of Japanese Language and Linguistics. Vol. : Handbook of Japanese Syntax. Walter de Gruyter Inc., 2017. 892 p.
- Ergin, 1992 – Ergin M. Türk Dilbilgisi. İstanbul, 1992. 400 p.
- Çauşeviç, 1996 – Çauşeviç E. Gramatika suvremenoga turskog jezika. Zagreb. Hrvatska Sveučilišna Naklada. 1996. 553 p.
- Иванами, 1977 – 宮地 裕, 北原 保雄, 渡辺 実, 山口 佳紀, 川端 善明, 市川 孝, 尾崎 知光, 古田 東朔, 奥津 敬一郎. 岩波講座日本語 6 文法 I. 岩波書店, 1977. 439 p. [Миядзи Ю., Китахара Я., Ваганабэ М., Ямагути Ё., Кавабата Ё., Итикава Т., Одзаки С., Фурута Т.,

- Окуцу К. Курс лекций издательства Иванами по японскому языку. Т. 6: Грамматика. Ч. 1. Изд-во Иванами сётэн, 1977. 439 с.].
- Накадзава, 2016 – 中沢 健, 初恋芸人. 小学館. 2016. 289 p. [Накадзава Т. Первая любовь актёра. Изд-во Сёгакукан, 2016. 289 с.].
- Такубо, 2008 – 田窪 行則, 日本語指示詞の意味論と統語論--研究史的概説 // 語学教育フォーラム, 大東文化大学語学教育研究所. 2008. P. 311–337 [Такубо Ю. Семантика и синтаксис японских указательных местоимений – исследовательско-исторический обзор // Форум по языковому образованию. Ин-т языкового образования, Ун-т Дайто Бунка. 2008. С. 311–337].
- Хатакэяма и др., 2021 – 日本語の様態副詞と結果述語の統語論. 言語研究 160 卷. 2021. P. 263–272 [Хатакэяма Ю., Хонда К., Танака К. Синтаксис наречий образа действия и результативных предикатов в японском языке // Лингвистические исследования № 160. 2021. С. 263–272].
- Цукино, 2021 – 月ノ美兎, 月ノさんのノート. KADOKAWA. 2021. 112 p. [Цукино М. Записки Цукино-сан. Изд-во KADOKAWA, 2021. 112 с.].

References

- Avrutina, A. S., Darmaeva, O. B. (2022). Sintaksicheskie modeli v agglyutinativnom yazyke (na materiale koreyskogo i turetskogo yazykov) [Syntactic models in the agglutinative language (Based on Korean and Turkish)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 5–19. (In Russ.).
- Alpatov, V. M., Arkad'ev, P. M., Podlesskaya, V. I. (2008 a). *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka* [Theoretical Grammar of the Japanese Language] (Vol. 1). Moscow: Natalis Press. (In Russ.).
- Alpatov, V. M., Arkad'ev, P. M., Podlesskaya, V. I. (2008 b). *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka* [Theoretical Grammar of the Japanese Language]. (Vol. 2). Moscow: Natalis Press. (In Russ.).
- Akhmanova, O. S. (2004). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: URSS: Editorial URSS Press. (In Russ.).
- Gadzhieva, N. Z., Serebrennikov B. A. (1986). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Sintaksis* [Comparative and historical grammar of Turkic languages. Syntax]. Moscow: Nauka Press. (In Russ.).
- Grunina, E. A. (1961). Nekotorye voprosy sintaksisa v sovremennom uzbekskom literaturnom yazyke [Some issues of syntax in the modern Uzbek literary language]. *Issledovaniya po sravnitel'noy grammatike tyurkskikh yazykov. Ch. III: Sintaksis* [Studies in Comparative Grammar of Turkic Languages. Part III: Syntax] (pp. 135–163). Moscow: Soviet Union Academy of Sciences Press. (In Russ.).
- Guzev, V. G. (2015). *Teoreticheskaya grammatika turetskogo yazyka* [Theoretical Grammar of the Turkish Language]. St Petersburg: St Petersburg University Press. (In Russ.).
- Guzev, V. G., Avrutina A. S. (2013). *Funktsional'nyy sintaksis sovremennogo turetskogo yazyka* [Functional syntax of modern Turkish]: A coursebook. St Petersburg: St Petersburg University Press. (In Russ.).
- Guzev, V. G., Burykin, A. A. (2007). Obshchie stroevye osobennosti agglyutinativnykh yazykov [Common structural features of agglutinative languages]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 1, 109–117 (In Russ.).
- Zherebilo, T. V. (2010). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 5th edn., with corrections and addenda. Nazran. (In Russ.).
- Kireev, Yu. P. (2014). *Osnovnye grammaticheskie konstruktсии yaponskogo yazyka* [Basic grammatical patterns of the Japanese language]. 2nd edn., with corrections and addenda. Moscow. (In Russ.).
- Kononov, A. N. (1980). *Grammatika yazyka tyurkskikh runicheskikh pamyatnikov* [Grammar of the language of the Turkic runic monuments]. Leningrad: Nauka Press (Leningrad Department). (In Russ.).
- Martinet, A. (1960). *Printsip ekonomii v foneticheskikh izmeneniyakh* [The economy principle in languages]. Moscow: Inostrannaya literatura Press. (In Russ.).

- Stepanova, Z. B. (2018). Sintaksicheskie funktsii onomatopoeicheskoy leksiki yaponskogo yazyka (na materiale khudozhestvennykh proizvedeniy) [Syntactic functions of onomatopoeic vocabulary of the Japanese language (By the material of literary works)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice] 1-1 (79), 171–173. (In Russ.).
- Cheremisina, M. I. (1982). Strukturno-funksional'nye tipy konstruksiy s padezhnymi formami zavisimyykh predikatov [Structural-functional types of constructions with case forms of dependent predicates]. *Strukturnye i funktsional'nye tipy slozhnykh predlozheniy* [Structural and functional types of complex sentences] (pp. 3–20). Novosibirsk. (In Russ.).
- Chironov, S. V. (2017). Yaponskoe katachi: ot markera obstoyatel'stva i dal'she [Japanese katachi: From the marker of adverbial and beyond]. In S. S. Chernov (Ed.), *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]: Proc. XXVIII International Scientific-Practical conf. (pp. 90–98). Novosibirsk: TsRNS Press. (In Russ.).
- Hatipoğlu, V. (1972). *Türkçenin Sözdizimi*. Ankara.
- Horvath, J. (1992). Anti-C-Command and case-compatibility in the licensing of parasitic chains. *The Linguistic Review*, 9 (2), 183–218.
- Karahan, L. (1991). *Türkçede Söz Dizimi*. Ankara: Akçağ Yayınları.
- Korkmaz, Z. (1994). *Türkçede Eklerin Kullanılış Şekilleri ve Ek Kalıplaşması Olayları*. Üçüncü baskı. Ankara: TDK.
- Martin, S. E. (1991). *A Reference Grammar of Japanese*. Charles E. Tuttle Company. Inc.
- Miura, A. (1979). The Influence of English on Japanese Grammar. *The Journal of the Association of Teachers of Japanese*, 14 (1), 3–30.
- Saito, M. (Ed.). (2014). *Japanese Syntax in comparative perspective*. New York: Oxford University Press.
- Shibatani, M., Miyagawa, S., Noda, H. (Eds.). (2017). *Handbooks of Japanese language and linguistics. Vol. 4: Handbook of Japanese syntax*. Walter de Gruyter Inc.
- Ergin, M. (1992). *Türk Dilbilgisi*. İstanbul. (In Turkish).
- Çauşević, E. (1996). *Gramatika suvremenoga turskog jezika*. Zagreb: Hrvatska Sveučilišna Naklada. (In Croatian).
- Miyaji, Y., Kitahara, Y., Watanabe, M., Yamaguchi, Y., Kawabata, Y., Ichikawa, T., Ozaki, S., Furuta, T., Okutsu, K. (1977). *Iwanami Kouza Nihongo 6 Bunpou I* [Iwanami Press lectures on Japanese language. Vol. 6: Grammar. Part 1]. Iwanami Shouten Press. (In Japanese).
- Nakazawa, T. (2016). *Koibito Geinin* [The actor's first love]. Shougakukan Press. (In Japanese).
- Takubo, Yu. (2008). Nihongo shijishi no imiron to tougoron – Kenkyuushiteki gaisetsu [Semantics and Syntax of Japanese Index Pronouns: A Research-Historical Overview]. *Gogaku Kyouiku Fouramu* [Language Education Forum] (pp. 311–337). Daito Bunka University (Institute of Language Education). (In Japanese).
- Hatakeyama Y., Honda K., Tanaka K. (2021). Nihongo no yōtai fukushi to kekka jutsugo no tōgoron [The syntax of Japanese adverbs of manner and consequential predicates]. *Gengo Kenkyu* [Linguistic studies] (Vol. 160, pp. 263–272). (In Japanese).
- Tsukino M. (2021). *Tsukino-san no nōto* [Tsukino's Notebook]. KADOKAWA Press. (In Japanese).